

собирать и старинные иконы, в изобилии попадающиеся и сейчас в старобрядческих селениях Севера, Сибири, Поволжья и других областей. Допустимы лишь исключения для таких произведений старинной живописи, которые являются непосредственным отражением памятников древнерусской литературы или могут быть использованы как наглядная иллюстрация к ним (иконы с изображением деятелей старорусской письменности и литературы). Кроме того, надо всегда помнить, что настоящую ценность иконы для науки может определить только специалист-искусствовед.

Но как же поступать со всем этим материалом, остающимся на месте? Весь обнаруженный во время работы экспедиции такой материал надо обязательно брать на учет и под охрану. Взятие на учет есть уже начало охраны. Но этого бывает иногда явно недостаточно. Необходимо позаботиться о сохранности самих рукописей и предметов старинной живописи. Если нет возможности из-за громоздкости или по каким-либо другим причинам (отсутствия денег, времени и т. д.) захватить с собой его или отправить багажом в заинтересованные учреждения, то следует договориться с местными ответственными лицами об охране собранного материала на месте или перенести в другое, более надежное место для хранения. Временно могут быть использованы районные архивы (они, по положению, хранят только современные материалы) и музеи. В селах и деревнях пригодятся помещения сельсоветов, правления колхозов и других государственных учреждений и организаций. И, наконец, можно прибегнуть к помощи отдельных лиц из среды сельской интеллигенции или к услугам местных грамотеев. По возвращении из экспедиции или прямо с места надо сообщить об этих материалах в заинтересованные учреждения.

Возникает и другой вопрос: а все ли рукописи и книги древнерусской традиции следует собирать и доставлять в пославшее вас за ними учреждение? На этот счет среди археографов тоже нет согласия; имеются сторонники сплошного подбора и выступающие за выборочность, отсев. Последняя точка зрения предполагает, что непосредственно на местах должен производиться отбор наиболее ценного рукописного материала. Здесь допускается возможность настоящего, квалифицированного отбора самим участником экспедиции.

Признавая серьезность доводов сторонников этого взгляда на собиранье (засоренность малоценным материалом и т. п.), я считаю все же подход первых более оправданным. В самом деле, как бы ни был опытен участник экспедиции, он не всегда в силах произвести на месте квалифицированный отбор по ряду причин: нередко не хватает для этого времени, подходящих условий и т. д. С другой стороны, даже поздние богослужебные рукописи стандартного текста (евангелие, псалтырь и т. д.) при более тщательном изучении их могут оказаться полезными для лингвиста (чертами живого местного говора, если они переписаны здесь) и палеографа (особенностями местного почерка, орнамента, переплета). Не следует забывать и то, что собиранье старинных книг и рукописей в сельских местностях (да не только в них) лишает отсталую часть населения питательных источников их запоздалых взглядов.

Поэтому, на мой взгляд, если представляется возможность, надо брать все книги и рукописи, а по приезде после внимательного изучения всего собранного позднего материала разными специалистами можно произвести отсев той части его, которая не представляет никакой научной ценности. Я тоже не сторонник захламления собраний малозначимым материалом и ложной погони за количеством номеров. Не это определяет ценность и лицо собрания. Но предлагаемая форма экспертизы рукопи-